

Мнения

Сегодня. № 139. — 1994. — 26 июля. — С. 10.

Вторник, 26 июля 1994

Ольга Васильевна Кознова в 1949 году закончила театральное училище им. Щепкина (курс нар. арт. СССР Веры Пашенной), играла в театре, с 1956 г. работает на телевидении. Режиссер передач, автором и ведущим которых был Владимир Лакшин.

Ольга Кознова

В

1978 году в редакции образовательных и учебных программ мне предложили сделать оставшуюся без режиссера программу о Бунине, автором которой был Владимир Яковлевич Лакшин. Мне сказали:

— Возьмите сценарий, прочтите и завтра дайте ответ.

Я схватила сценарий, пришла его к груди и закричала:

— Я согласна, я согласна! И читать не буду.

— Почему?

— Потому что я знаю, кто это написал.

Только что мне в литературно-драматической редакции ЦТ вычеркнули из плана постановку астафьевской «Царь-рыбы». И вдруг прихожу сюда, на Шаболовку, а здесь — Бунин. И — Лакшин.

Его храбро вновь привела на телевидение дружившая с ним редактор Виктория Ермакова. И начальство учебной редакции не испугалось сотрудничества с Владимиром Яковлевичем. А испугаться было чего — ему запретили появляться на телевидении после того, как он в прямом эфире агитировал телезрителей, чтобы Солженицыну дали Ленинскую премию за «Один день Ивана Денисовича». Над ним висел еще и запрет публиковаться, и он работал консультантом в журнале «Иностранная литература». Там он сидел в маленькой комнатке с зарешеченными окнами, писал маленькие рецензии и очень смеялся по поводу названия своей должности, говорил: «Консультант с копьютом».

Заведующий отделом при мне позвонил Феликсу Кузнецову: — Мы пригласили Лакшина, он будет у нас делать Бунина. Вы согласны?

Тот ответил: «Классику — пожалуйста. Но современного пусть ничего не делает».

Я получила сценарий 22 февраля, а 6 марта мы уже снимали в фондах отложенные Лакшиным материалы.

Программа о Бунине была показана поздно, тогда «поздно» считалось в одиннадцать вечера, и пришла единственная восторженная телеграмма. Те, кто смотрит Лакшина, не пишут писем в редакцию. Но мы поняли, что резонанс, особенно в среде интеллигенции, был большим. Это позволило просить Владимира Яковлевича работать с нами дальше. И появился Пушкин.

Его сценарии было интересно даже просто читать. Он был скромный человек, но и понимал себе цену. Всем, что знал, делился с другими, поэтому наши съемки, репетиции и встречи были удивительными. На наше счастье, Лакшин был тогда относительно свободен, потому что в свой журнал должен был явиться, кажется, два раза в неделю. Мы сразу поняли, что он человек глубоко артистичный, уникально образованный, что называется — энциклопедически. Но никогда люди, окружающие его, — ни я, ни редактор, ни операторы, ни осветители не чувствовали, что он «выше».

Он рассказывал все, что знал, и во время работы над одной программой у нас рождались идеи следующих. Хотя в результате они претерпевали изменения — с его помощью и при его участии, но, надо сказать, он удивительно умен слушать замечания, от кого бы они ни исходили. И, конечно, великолепная русская речь — и простая, и изысканная. У него был хороший голос. Притом, что его нельзя было назвать красавцем, обаяние у этого человека, конечно, было огромное. И для нас, и для телезрителей было счастьем, что о Бунине, Блоке, Островском, Булгакове, Чехове рассказывал именно Лакшин. Посредник между теми, о ком мы рассказывали, и зрителем должен быть высок.

Как он умел увлекаться! Когда мы снимали Островского, то объездили все Замоскворечье в

когда мы снимали Чехова, Лакшин был во второй раз. И помню, что ему рассказывали о камне, около которого Чехов отдыхал. Владимир Яковлевич сказал: «Надо его найти!», спрашивал о нем в Москве, в Александровске, в Южно-Сахалинске. Кстати, местные власти были ужасно довольны, что к ним приехали снимать передачу о Чехове, и делали для нас все. Надо было остановить поезд — останавливали, надо было найти чеховский камень — давали прекрасных водителей. Мы нашли этот камень, и — о, ужас! — он был весь исписан матерщиной. Чего стоило найти точку, чтобы снять около него Владимира Яковлевича — камень очень лихо заложил плечами, положили какую-то ветку.

Я помню, как, отсняв материал в Шельково, мы должны были уезжать из Костромы. По-

пришлось отложить до утра. Молодежь стала танцевать, а Владимир Яковлевич отчего-то вспомнил Блока. А я Блока очень люблю. Мы отошли подальше от шума, он замечательно читал, а я слушала и думала: «Следующей нашей передачей будет Блок».

Он много писал тогда, в стол, конечно. Тогда же написал и докторскую диссертацию об Островском, должен был ее защищать и сказал, что сценарий о Блоке написать не успеет. Я уговорила его снимать без сценария, просто по сценарному плану. Музей в Ленинграде, на Пряжке, еще не был тогда открыт, в квартире Блока жили люди. В комнате, где была балконная дверь, случилось белье... А за балконом — вид на Пряжку. «Вот, — сказал Лакшин, — то, что он видел, только другие корабли...» И наш оператор Владимир Качулин сразу

конечно, мало, обогатиться нельзя. Но ребята очень симпатичные». Надо сказать, что, когда Владимир Яковлевич появился на экране, за ним стали бегать многие телевизионщики. А мы платили ему за сценарий 500 рублей, это была высшая категория в учебной редакции. За Бунина он получил 450. Я всегда в это вникала, потому что знала, что они с женой жили очень трудно, он ведь фактически не работал.

Его мама помогала нам работать над Чеховым. У него были юношеские «чеховские тетради», а он все говорил: «Ну, посмотрим, ну вот год пройдет, глядишь — и соберемся...» А я уже съездила в Таганрог на осмотр натур. И позванивала ему каждую неделю, расспрашивала, как дела. В общем, подспудная работа шла, его мама как-то сказала: «Я вам помогу, я найду его юношеские тетради и потихоньку буду выкладывать ему на стол». Что она и делала, поддерживая нашу «чеховскую линию».

«День Льва Толстого» стал одной из лучших передач Лакшина. Мне нужно было съездить в Ясную Поляну, отсмотреть вместе с оператором натур. Я раньше там никогда не была. Когда в 1941 году решила съездить, началась война. А потом почему-то не складывалось. И вот, чтобы получить «рафик» и камеру, я пришла к главному редактору, а там сидел и некий главный режиссер, сыгравший когда-то в одной толстовской экранизации. Главный редактор меня спрашивает:

— А с кем ты хочешь ехать?

— С Лакшиным.

И вдруг этот главреж, рассмеявшись, говорит:

— Тоже мне, нашли толстоведа.

Клянусь, эта фраза звучит у меня в ушах до сих пор. И тогда главный редактор говорит:

— Вот что, дай мне список статей и книг Лакшина, чтобы я знал, кто у нас Бунина делал. И, пожалуйста, пусть будет телепрограмма от Андроникова. Вот если Андроников скажет, что Лакшин может, тогда...

Он, конечно, все знал, но он был хитрый. И я тут же пошла к Забаркину, заведующему отделом, а у него, оказывается, был дачный телефон Ираклия Луарсабовича. А дело было летом, Андроников должен был на другой день ложиться в больницу, то есть мы едва успели. На телевидении надо знать, что «порыв не терпит перерыва», как сказал, кажется, Достоевский. И нужно успеть прыгнуть в пространственно-временную шель — это уже мое изречение. Ираклий Луарсабович берет трубку, я стою рядом с Забаркиным и слышу, как он дает блестящую характеристику Лакшину, а Забаркин записывает, что Лакшин «талантливый критик, блестящий стилист, знаток Толстого». Через полчаса мы, отпечатав эту рекомендацию, принесли ее к начальству. И главный редактор сказал:

— Ну, все. Поезжайте.

Я думаю, просто время тогда потребовало этого человека. И Лакшин, долго перед этим почти не публиковавшийся, вдруг возник на телевидении. Здесь можно было рассказать то, чего нельзя напечатать. Хотя его работы и назывались «передачами», все, что он делал на телевидении, было, конечно, видеофильмами. Радио тоже стало его записывать почти параллельно с нами. Надо сказать, что он всегда предупреждал, если начинал работать с кем-нибудь еще. И, когда мне говорили, что на радио он говорит то же, что и в телепередачах,



ОЛЬГА КОЗНОВА И ВЛАДИМИР ЛАКШИН НА СЪЕМКАХ

Лакшин

Телевизионные работы Владимира Лакшина, созданные в содружестве с Ольгой Козновой:

1. «И. В. Бунин. Страницы жизни и творчества». Май 1978 г.
2. «День Льва Толстого». Сентябрь 1978 г.
3. «А. С. Пушкин. Литературные этюды». Февраль 1979 г.
4. «А. С. Пушкин. Евгений Онегин». Февраль, март 1979 г.
5. «Жизнь А. Н. Островского». В 2-х частях. Осень-зима 1979 г.
6. «Монолог об А. Блоке». Зима 1980 г.
7. «Путешествие к Чехову». В 5 сериях: «Родился в Таганроге...». 1982 г. «Знаменитость N 877». 1982 г. «Сахалинский маяк». 1982 г. «Лекарь Мелиховского участка». 1982–1983 гг. «Письма из Ялты». 1983 г.
8. «Театральная династия». Октябрь 1984 г.
9. «Мастер». Видеофильм М. Булгакова. В 2 частях. 1987 г.
10. «Человек театра». 1987–1988 гг.
11. «Вокруг Булгакова». Передача 2-я. 1991 г.
12. М. Булгаков. «Роковые яйца». Телеспектакль. Вступительное слово и консультация В. Лакшина. 1992 г.
14. «Летние каникулы Антона Чехова». 1992 г.
15. «Разговор в пути. Владимир Лакшин». В 3 частях. Весна 1993 г.

поисках одного пейзажа. Он говорил: «Понимаете, Ольга Васильевна, ведь этот пейзаж видел сам Александр Николаевич! А через год или два его может уже и не быть...» На Сахалине,

шел страшный ливень, и нам пришлось ждать, пока он окончится: нужно было снять такой закат над Волгой, каким его видели и Островский, и его герои. Дождались, но отъезд из-за этого

через стекло почти ожившую картину Брейгеля: маленькие фигурки, санки... Возле этого окна Лакшин рассказывал и читал.

Мне хотелось, чтобы эта передача была монологом Владимира Яковлевича. Мы снимали в Ленинграде и Москве, дома у Лакшина. Для съемок я пригласила его кресло, его письменный стол — он тогда стоял по-другому, чем в последний год. Это было обжитое им место, он его любил. «Монолог о Блоке» стал одной из самых любимых его передач. Название он тоже придумал сам. Он всегда замечательно придумывал названия.

А у нас уже подходил Чехов...

В 1981 году его уговорили делать фильм «Дом Твардовского» вместе с Мариной Голдовской и Дмитрием Чуковским. Как он мог от этого отказаться? А мы в это время готовились к фильму о Чехове. Я была даже рада, что между Блоком и Чеховым у нас получилась пауза. За это время я сумела познакомить Лакшина и Юрия Яковлева. Тогда Яковлев играл Чехова в спектакле театра им. Вахтангова, а для нас было ясно: после монолога может быть только диалог. Сначала мы хотели сделать две передачи, потом — три, а получилось — пять. Хотя постановочные мы получили за три. Во время встречи Лакшина и Яковлева я вышла из комнаты, а потом, возвращаясь, услышала, как Лакшин говорил Юрию Васильевичу: «Денег здесь,

Жаль, что мы общались так недолго

И еще. При нем я чувствовал себя умнее, гениальнее, человечнее, проще, совестливее.

Во время съемок на Сахалине на протяжении двух недель не было ни дня, чтобы мы, встретившись вечером, за разговорами не просиживали бы до утра. Говорили обо всем: о жизни, об искусстве, о литературе, о сыновьях, об изменах, о женщинах... И, несмотря на то что я старше на пять лет, это общение было для меня огромной жизненной школой.

А еще нас объединяло Шельково. Там, в бывшем имении Островского, располагается театральный дом творчества. Я езжу туда 21 год подряд. Любил это место и Владимир Яковлевич. Там мы с ним бродили по лесам, Лакшин оказался прекрасным грибником, и снова у нас были чудесные беседы. В лесу ведь беседы совсем не такие, как за столом или на диване...

Владимир Яковлевич обладал замечательным чувством юмора. С грустью вспоминаю наши телефонные переговоры. Я звонил ему и говорил: «Дяденька, здравствуйте». — «Боже мой, батюшка барин! Ну, как наши овсы? Поели?»

О Лакшине в основном помнят, что он был очень знающий человек, который много выступал, делился своими знаниями. Что он был писатель, литературовед, очень интеллигентный. Но он был еще и большой хулиган. И это было очень симпатичное его качество. Он очень любил застолье, общение, людей. Любил повеселиться. Играл на гитаре и знал бесконечное количество русских романов, таких, которых не знает никто. И множество блатных песен. И пел их.

Когда мы приехали на Сахалин, то по просьбе местного начальства много выступали, рассказывали о Чехове, поддерживая друг друга. И вот как-то мы подходим ко двору культуры — по моему, это было в Южно-Сахалинске. Видим — висит громадное объявление: «Сегодня состоится встреча с доктором филологических наук Владимиром Яковлевичем Лакшиным и народным артистом СССР Юрием Васильевичем Яковлевым. Начало в 19 часов. Билеты продаются в кассе».

Мы решили скулиганить. Пришли примерно часа за полтора до начала, минимально загримировавшись, чтобы нас не узнали. Сели у подъезда этого дома культуры с протяннутыми шлупами и... собрали довольно приличную сумму денег. Как вы понимаете, эту сумму мы истратили на беседу вечером.

Он безумно любил жизнь. Помню, окончила съемка, мы стоим на берегу Тихого океана. Волны, температура не такая, чтобы возникло острое желание купаться. Я говорю: «Владимир Яковлевич, рискнем?» — «Конечно, рискнем!» А у него ведь большая нога была. Лакшин отбрасывает свою тросточку, и мы кидаемся в волны Тихого океана — такие огромные, что из них можно и не выплыть.

Незадолго до смерти он отдал мне толстую-толстую папку, называлась она «Булгаковские места», о том, где Булгаков жил и бывал. Ведь в подвале моего дома, в том же подъезде, жил Булгаков. Поэтому Лакшин и дал мне почитать эту свою папку. А она у меня осталась. Я храню ее как память.

Да, к сожалению, мало времени провели мы с ним.



Юрий Яковлев

Познакомились мы с Владимиром Яковлевичем Лакшиным, кажется, в 1981 году. Но у меня было ощущение, что он вошел в мою жизнь очень давно.

После спектакля «Насмешливое мое счастье» в театре Вахтангова, где я играл роль Антона Павловича Чехова, Лакшин пришел за кулисы и предложил, к моей величайшей радости и волнению: «Давайте с вами запишем беседу о Чехове». Я, как говорят на нашем театральном языке, зажался — это было очень неожиданно. Но, конечно же, согласился.

Как Лакшин рассказывал мне потом в одном из бесконечных наших ночных

разговоров в поездках, он писал сценарий о Чехове, и у него возникла мысль, что в фильме должен появиться некий оппонент. И ему пришло в голову пригласить меня. Он пришел на спектакль «Насмешливое мое счастье», который создан был по переписке Чехова с сестрой Марией Павловной, и смотрел, подожу ли я к этой роли. И решил предложить мне быть этим самым оппонентом в его телесериале о Чехове.

Тогда, за кулисами, это была первая наша встреча. До этого я знал Лакшина только как заместителя главного редактора «Нового мира», помнил его разгромную статью о спектакле вахтанговцев «На всякого мудреца довольно про-

стоты», написанную, разумеется, очень интеллигентно, как он умел. Уже в первую встречу я почувствовал, что это довольно непростой человек. Но, к своему великому счастью, понял, что он, интеллигентный, думающий, понимает, что такое культура, актер, режиссер, что такое театр в жизни людей.

Мы провели с ним довольно трудных два года — на съемках этого пятисерийного фильма о Чехове. И за время нашего знакомства мое отношение к нему как к человеку и мыслителю — а он действительно был мыслитель и филолог — менялось только в одну сторону — все большего и большего пиетета. Большого уважения.